

С.Т. Калтахчян

МАРКСИСТСКО- ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ НАЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С.Т. Калтахчян

МАРКСИСТСКО- ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ НАЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

Калтахчян С. Т.

К17 **Марксистско-ленинская теория нации и современность.** — М.: Политиздат, 1983. — 367 с.

В книге заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора, доктора философских наук С. Т. Калтахчяна на основе анализа современных процессов в общественной жизни и культуре, опирающегося на достижения философской и социально-политической мысли, этнографии, антропологии, лингвистики, психологии и истории, раскрывается непреходящее значение марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Автор рассматривает наиболее актуальные вопросы диалектики интернационального и национального в развитии социалистических наций, советского народа и мирового социалистического содружества, касается ряда дискуссионных проблем. В книге подвергаются критике идеалистические и вульгарно-социологические концепции, расизм, шовинизм и национализм.

Адресуется научным работникам, пропагандистам.

К 0302030600—369 158—83
079(02)—83

66.5(2)
1МИЗ

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марксистско-ленинское учение о нации и национальных отношениях является важнейшей составной частью теории социалистической революции, построения социализма и коммунизма. Национальный вопрос, проблемы соотношения классового, интернационального и национального приобрели принципиально важное значение и особую остроту в современной идеологической борьбе.

Марксисты-ленинцы решают социальные проблемы, в том числе национальные, научно обоснованно, опираясь на классовые критерии. Антикоммунисты же пытаются «обосновать» неизбежность столкновения наций, народностей. Ссылками на то, что за последние два-три десятилетия этнические конфликты в мире резко возросли (классовая основа этих конфликтов и роль империализма в разжигании их, конечно, умалчивается), они стремятся «доказать», что в поведении людей решающую роль играют этноцентризм, национализм, расизм. Не классовое положение, а «кровное родство», «национальная душа» якобы крепко связывают людей узами особого взаимопонимания и соперничества.

Извращенная трактовка действительно имеющих фактов вспышек национализма в различных регионах мира оказывает весьма отрицательное влияние на умы миллионов людей. Положение усугубляется еще и тем, что оппортунисты, ревизионисты в решении проблем социального развития также подменяют классовые критерии национальными. Смыкание оппортунизма с национализмом приводит к искажению интернациональной природы социализма, к отрыву от него патриотизма. С этих же позиций обосновываются национальные или региональные «марксизмы» и «коммунизмы».

Оппортунисты нередко приписывают К. Марксу, Ф. Энгельсу и В. И. Ленину национальный нигилизм на том основании, что они подчеркивали подчиненность национального вопроса интересам классовой борьбы пролета-

риата, интересам социализма. Но для основоположников марксизма-ленинизма подчиненность национального вопроса вовсе не означала его малозначительности. Они всегда учитывали, что человечество делится не только на классы, но также состоит из различных национальных общностей, а потому судьбы социализма во многом связывали с правильным решением национального вопроса. Подчиненность национального вопроса определяется тем, что для его решения нет особого национального критерия, а есть один, единственно научный, классовый критерий.

К. Маркс, Ф. Энгельс создали историко-экономическую теорию нации и национальных отношений, которую применительно к современной эпохе всесторонне развил В. И. Ленин. Он научно обосновал связь пролетарских революций с национально-освободительными движениями, неизбежность краха колониальной системы империализма.

Величайшей заслугой В. И. Ленина является открытие путей преобразования наций капиталистического общества в нации социалистические, их сближения и образования новых, высших форм человеческого общежития. В. И. Ленин также всесторонне развил марксистское учение о пролетарском интернационализме, указал на пути ликвидации национализма, шовинизма и достижения интернационального братства, дружбы народов, их сближения и слияния в зрелом коммунизме.

В последние годы отдельные деятели в коммунистическом движении призывают к пересмотру некоторых важнейших положений марксизма-ленинизма и особенно принципа пролетарского интернационализма. Они утверждают, что пересмотр их якобы вызывается коренными изменениями современной социальной жизни.

Действительно, вторая половина XX века вносит много нового в жизнь человечества. В наше время происходит бурный рост классового и национального самосознания народов мира, особенно в Азии, Африке, Латинской Америке, а порой появляются вспышки национализма и шовинизма. Обострение борьбы двух социальных систем, возникновение новых наций, изменение социально-классовой структуры и межнациональных связей уже сложившихся наций, а тем более развитие социалистических наций и их взаимоотношений, образование новой исторической общности людей — советского народа, возникновение и развитие мировой системы социализма выдвигают

много новых вопросов, требующих теоретической разработки.

Имеющиеся трудности в понимании некоторых новых социальных явлений связаны с необходимостью дальнейшей марксистской разработки ряда теоретических проблем, а не с тем, что якобы устарели принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Встречаются теоретики, которые наивно полагают, что возможно осмысление новых явлений общественной жизни и без марксистско-ленинского учения. В. И. Ленин предупреждал, что нельзя допускать легковесного отношения к наследству К. Маркса и Ф. Энгельса, «иначе осрамиться легко»¹. «Нет, это — настоящие люди! — писал В. И. Ленин о К. Марксе и Ф. Энгельсе. — У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»². Эти слова в полной мере можно отнести и к В. И. Ленину, без учения которого нет современного марксизма.

Для творческого развития революционной теории и практики исключительное значение имеет отношение к основным положениям марксизма-ленинизма. «С так называемыми азбучными истинами марксизма, — пишет Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ю. В. Андропов, — вообще следует обращаться бережно, ибо за непонимание или забвение их сурово карает сама жизнь»³. Мировой революционный процесс дал и дает примеры того, какое фиаско терпели и терпят те, кто покидает научную почву марксизма-ленинизма.

Как позитивные результаты марксистско-ленинских исследований, так и неудачи тех, кто игнорирует теорию и методологию марксизма-ленинизма, неизменно подтверждают правоту слов В. И. Ленина: «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее), идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»⁴.

В данной монографии рассматриваются важнейшие вопросы марксистско-ленинского учения о нации и нацио-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 369.

² Там же, с. 378.

³ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983, с. 238.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 146.

нальных отношениях в тесной связи с современностью. При этом автор опирался на новейшие достижения философии, этнографии, биологии, антропологии, психологии и лингвистики.

Поскольку «системы социального порядка суть системы *высшей степени сложности*»¹, а национальные и интернациональные общности относятся к такому роду систем, их исследование начинается с рассмотрения так называемой биосоциальной проблемы человека. Раскрытие марксистского понимания сущности человека как совокупности общественных отношений важно для обоснования социальности любой человеческой общности, а также для критики расизма и национализма.

В работе анализируются объективные условия образования нации, а также место и роль в ее развитии национальных особенностей культуры, психологии, национального самосознания, исследуется влияние на национальные отношения при капитализме и социализме научно-технической революции и других новейших явлений общественной жизни. Раскрывается принципиально важное значение различения понятий «нация» и «национальность» для анализа и правильного понимания ряда существенных проблем развития наций и борьбы против национализма. Важнейшее место в работе занимает рассмотрение преобразования наций и народностей в социалистические, формирования их социальных и интернациональных общностей, диалектики интернационального и национального в общественном развитии. Большое внимание уделяется разоблачению буржуазно-реформистских и ревизионистских фальсификаций марксистско-ленинского учения о нации и национальных отношениях, подвергаются критике современные модификации расизма и национализма.

Насколько удалось автору решить поставленные задачи, судить читателю, замечания которого будут приняты с благодарностью.

¹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 51.

АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ ДО ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИИ

Проблема человека в современной буржуазной философской, социологической, психологической и этнографической литературе, как правило, трактуется извращенно, с идеалистических, расистско-националистических позиций. Соответственно подвергается фальсификации научное истолкование исторических общностей людей. В основе правильного понимания природы любой исторической общности людей, в том числе расы и нации, особенностей ее духовного облика, лежит марксистская концепция сущности человека как совокупности общественных отношений.

1. Диалектика антропогенеза и социогенеза

Современная наука полностью подтверждает вывод марксизма о том, что становление человека и общества — единый диалектический процесс. Нет антропогенеза без социогенеза, и наоборот. В случае метафизического отрыва их друг от друга возникает неразрешимый вопрос: что было раньше — общество или человек? Возникновение же и того и другого происходило в едином процессе антропо-социогенеза. Именно последний дает ключ к пониманию социального характера сущности человека и любой человеческой общности со всеми особенностями их духовного развития. Он показывает, что выделение предков человека из животного мира, морфологические изменения строения их организма совершились уже под решающим воздействием социальных факторов, а сами эти изменения ускорили темпы развития человеческого общества.

Научное объяснение сущности человека, различных общностей людей противоречит интересам эксплуататорских классов. Поэтому идеологи буржуазно-элитарных теорий, расисты и националисты всех толков отрицают социальную сущность человека и его общностей. Они пытаются обосновать неравенство людей, рас, классов, наций их якобы существующей биологической, психической

неравноценностью. В этих целях буржуазные идеологи извращают достижения наук, о чем свидетельствует новая вспышка психорасизма, необиологизаторства и неоевгеники в развитых империалистических странах, особенно в США. По вопросу понимания соотношения биологического и социального в человеке развернулась острейшая идеологическая борьба.

Ряд буржуазных ученых, паразитируя на современных достижениях молекулярной биологии, генетики и психологии, стремятся дать «научное» обоснование неравенства способностей людей, целых классов, рас, этносоциальных общностей. С 60-х годов все громче и откровенней стал заявлять о себе «научный» расизм. Адепты его, среди которых особо выделяются психолог профессор университета в Беркли (США) А. Дженсен, нобелевский лауреат физик У. Шокли (США), английский психолог Г. Айзенк, наукообразными манипуляциями данными, предвзято поставленными тестами на так называемый «коэффициент интеллекта» (IQ или KU), «доказывают», что разные классы, расы и этносы обладают различными умственными способностями и даже компенсаторное обучение¹ не снимает этого различия. Дженсен утверждает, что таким путем не удалось изменить показатели «коэффициента интеллекта» у «непривилегированных детей», в особенности у негритянских². Следовательно, по его мнению, уровни интеллекта предопределены генетическими факторами; они для каждой классовой, расовой и национальной общности константны и их разное положение в обществе коренится в биологических особенностях, передаваемых по наследству.

В этих утверждениях, собственно, нет ничего такого, чего бы не было у проповедников антропологического расизма и социал-дарвинизма еще сто лет тому назад. Эти обветшалые теории выдвигаются к концу XX века под новым «измом» (дженсенизм), прикрываемым авторитетом выдающихся достижений современной биологии, генетики и психологии. В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» дал блестящий образец разоблачения

¹ Обучение в одинаковых школах Дженсен считает уже уравнением условий развития школьников.

² См.: *Лолер Дж.* Коэффициент интеллекта, наследственность и расизм. М., 1982, с. 24. Эта книга американского философа-марксиста в основном посвящена критике дженсенизма. Научная критика последнего содержится также во II разделе книги «Расы и общество». М., 1982.

подобного камуфляжа. Когда в конце XIX — начале XX века Э. Мах и его последователи стали выдавать философию «критического опыта» (эмпириокритицизм) как новую «философию естествознания», В. И. Ленин показал, что эта реакционная философская школка связана не с великими открытиями естествознания, в частности физики, а с идеалистическими извращениями этих открытий.

То же можно сказать о дженсенизме, который, несмотря на резкую критику его со стороны прогрессивных ученых, в том числе американских¹, получил большое распространение на Западе. Сам Дженсен выразил удивление, что широкая пресса США подхватила с беспрецедентной быстротой его писания. Но удивляться здесь нечему. Реакционная политика нуждается в реакционных концепциях и с величайшей готовностью и радостью подхватывает и использует их.

Ловкие манипуляции новейшими данными науки вводят в заблуждение некоторых ученых. Биологизаторские, евгенические «новшества» в понимании сущности человека и регуляции его развития порой некритически воспринимаются даже отдельными советскими учеными, которые полагают, что, опираясь на достижения современной генетики, на «биологическую детерминацию» качеств, способностей человека, можно создать «гуманную социалистическую евгенику»². Один автор, например, писал: «Было бы, конечно, неверно считать А. Дженсена, У. Шокли, Г. Айзенка и вообще всех авторов, отстаивающих решающую роль наследственности в детерминации интеллектуальных различий между расами, сторонниками расизма — между тем и другим нет прямой связи»³. Оговорка автора этих слов о том, что Дженсен, Шокли сами не расисты, но результатами исследований могут воспользоваться расисты, лишь может навести на мысль, что на-

¹ В 1969 г. научная общественность выступила против первой программной статьи Дженсена в «Harvard Educational Review». В том же году Академия наук США отклонила предложенную У. Шокли биорасистскую программу исследований.

² С этих позиций выступали еще в 20-х годах Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский. За рубежом «гуманистическую евгенику» обосновывали Г. Меллер, П. Тейяр де Шарден и другие. Реакционеры же евгенику прямо ставили на службу расизму, элитаризму, мальтузианству (см.: Фролов И. Т., Пастушный С. А. Менделизм и философские проблемы современной генетики. М., 1976, гл.: Генетика человека и гуманизм).

³ Предисловие реферативного сборника «Этический аспект социальных и биогенетических исследований». ИНИОН АН СССР. М., 1984, с. 10.

правленность и даже важность самих исследований не подвергается сомнению. Такое ошибочное мнение, как свидетельствуют материалы различных дискуссий по проблеме «биологическое и социальное в человеке», не единичное и не безобидное¹. Как справедливо отмечает французский ученый-марксист Люсьен Сэв, «в различного рода публикациях, пропагандирующих тезис о биологических основаниях социального неравенства, можно встретить попытки использовать цитаты советских авторов, дабы создать впечатление, будто этот тезис имеет всеобщее научное обоснование»². Это замечание, конечно, не может быть не учтено.

Прямой биологизаторский, евгенический подход к пониманию природы человека у нас встречается чрезвычайно редко³. Сравнительно чаще наблюдаются попытки ее дуалистической трактовки. Дуализм выражается не в том, что учитываются природные детерминации существования человека, а в том, что социальное и биологическое в человеке рассматриваются как два параллельных, не взаимодействующих начала. Что же касается буржуазных авторов, придумавших даже «новую науку» — социобиологию, то они, как правило, подчеркивают примат биологического, считают, что человек — это просто «поумневшее животное», психология, характер поведения которого предопределены генами.

Точки зрения сторонников дуалистической трактовки сущности человека варьируются от скрытой поддержки биологизаторства до признания, по существу, социальной сущности человека. Приверженцы последней, а их большинство, из-за опасения впасть в вульгарный социологизм, настойчиво напоминают, что ведь у человека есть биология, организм. Конечно, было бы смешно отрицать, что человек — телесное существо, имеет организм, определенную биологическую организацию. Более того, уже учение

¹ См. об этом, например, материалы к симпозиуму, созданному Всероссийским научным обществом невропатологов и психиатров и Институтом психологии АН СССР в Москве в сентябре 1975 г. — В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975. См. об этом также: Дубинин Н. Наследование биологическое и социальное. — Коммунист, 1980, № 11.

² Сэв Л. Проблема не только научная, но и политическая. — Коммунист, 1982, № 4, с. 70.

³ С биологизаторскими концепциями наиболее откровенно выступают, например, генетик В. П. Эфроимсон и историк Л. Н. Гумилев, который даже нацию считает биологической и географической категорией.

Ч. Дарвина о наследственности, изменчивости и естественном отборе как решающих факторах в биологической эволюции организмов показало, что человек произошел от одного из видов животных и, следовательно, имеет с животным миром прямую генетическую связь. Однако существенным здесь является то, что совершился качественный скачок от животной биологии к человеческой. С учетом этого нельзя уже рассматривать проблему биосоциального дуалистически. Наука подтверждает правильность материалистического монизма, понимания того, что «как само общество производит человека как человека, так и он производит общество»¹.

Образование человеческой биологии как продукта эволюции животной биологии надо рассматривать, отмечает академик П. Н. Федосеев, как исторически развивающуюся взаимосвязь и преемственность между биологическим и социальным. «Подлинное реальное единство, но не тождество того и другого существует прежде всего в трудовой, т. е. социальной по самой своей сути, деятельности людей»².

Нарушение диалектического единства биологического и социального в человеческой сущности, рассмотрение их как независимых друг от друга, параллельно развивающихся начал воскрешает, по сути дела, декартовское понимание человека как «мыслящей субстанции» и материальной «протяженной субстанции», представляющее, в свою очередь, обновление платоновского дуализма души и тела.

Отрицание взаимопроникновения биологического и социального, их единства чаще всего выражается в преувеличении роли биологического. В теоретизированиях идеологов «коэффициента интеллекта», отмечает Дж. Лолер, мы постоянно встречаемся со ссылками на «общую культуру», «на равенство возможностей», на идентичность социального опыта, которые якобы позволяют игнорировать средовые различия, их роль в развитии интеллекта. Но так же поступал и поступает социал-дарвинизм, согласно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 118.

² Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии. — В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 20. Необходимо отметить, что, хотя наука еще исчерпывающе не ответила на вопрос, как, в силу каких причин при переходе от исходного животного вида к предкам человека возникла способность к целенаправленному труду, сам факт становления человека благодаря труду научно объяснен уже Ф. Энгельсом.

которому «среда» равна для всех, а «индивидуальные различия имеют биологическую основу»¹.

По мнению современных дуалистов, выходит так, что человек «под своей кожей» — биологическое существо, а вне ее — социальное. «С этой позиции получается, что человек не имеет внутренней индивидуальной социальной сущности, социальное находится вне индивидуума, во внешней ему системе общественных отношений. Общество представляется, таким образом, как результат объединения биологических существ, вступающих, вопреки своей биологической природе, в социальные отношения»². В действительности и в биологии человека аккумулированы социальные воздействия. «Человек выступает не просто как самостоятельное, обособленное от общества живое существо, а как существо, целиком обеспечивающее свою жизнь, особый способ биологического существования и организации только внутри общества, через общество, с учетом уровня его развития...»³. В биологическое обеспечение людей входят определенная семейная, классовая, национальная, профессиональная, экономическая, политическая, культурная организованность их жизни. Иначе говоря, и биологическая, психическая жизнь человека опосредована социальностью.

Основная дискуссия о сущности человека, таким образом, происходит вокруг его монистически диалектико-материалистического и дуалистически метафизико-идеалистического понимания. На первый взгляд может показаться, что поиски объяснения психических свойств человека в материальной основе генетической наследственности, ДНК, в физиологических функциях нейронов мозга как раз и есть материализм. «Однако психика человека не может быть найдена ни в функции генов, ни в функции нейронов по той простой причине, что ее уровень вышел за пределы биологии. Искать объяснение психическим явлениям в каких бы то ни было биологических функциях — все равно что навязывать духовные свойства всей материи»⁴.

¹ Лолер Дж. Коэффициент интеллекта, наследственность и расизм, с. 168.

² Орлов В. В. Об интегральной социальной природе человека.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке, с. 118.

³ Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М., 1979, с. 36.

⁴ Дубинин Н. Наследование биологическое и социальное.— Коммунист, 1980, № 11, с. 72.

Для правильного решения широко дискутируемой, особенно в последние годы, проблемы соотношения биологического и социального важные методологические указания имеются в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Еще в работе «К критике гегелевской философии права» К. Маркс писал: «...сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество...*»¹ Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 19 ноября 1844 г. высказал мысль о том, что «мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом... а чтобы от него подняться к «человеку»².

«Подняться к «человеку» — значит понять, что сама природа человека — продукт истории. К. Маркс в тезисах о Фейербахе, отмечая, что невозможно понять сущность человека, рассматривая его как изолированного индивида, абстрагированного от хода истории и связанного с другими индивидами только природными узами, дал замечательное определение сущности человека: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³ (курсив мой. — С. К.).

В настоящее время природа, сущность человека изучаются антропологией, этнографией, физиологией высшей нервной деятельности, психологией, психиатрией, этикой, эстетикой и рядом других наук, рассматривается литературой и искусством, а также, разумеется, марксистско-ленинской философией. Диалектико-материалистический анализ данных наук позволяет все глубже и всестороннее раскрывать природу человека.

Диалектико-материалистический монизм в понимании сущности человека одинаково далек как от биологизаторства, так и от вульгарного социологизма. Он не игнорирует роль биологических (генетических) факторов в жизнедеятельности человека, но не рассматривает их независимо от социального развития человека. Эти факторы сами, так сказать, очеловечены.

Днем рождения человечества антропологи считают промежуток времени, измеряемый миллионами лет от австралопитеков (ранних высших человекообразных приматов), существовавших 4—6 миллионов лет тому назад, до древнейших людей (архантропов), живших полтора мил-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 242.

² Там же, т. 27, с. 12.

³ Там же, т. 3, с. 3.

лиона лет до н. э. На протяжении этого периода и вплоть до появления человека современного типа ¹ животная биология трансформировалась в человеческую. И генетика человека носит в себе информацию многовекового социального развития человечества. Организм человека, при всей аналогии с животным, функционирует уже как человеческий организм.

Марксистская концепция человека, объясняющая его резкое выделение из животного царства, подтверждается всем развитием науки, в частности антропологии. Существенные поправки внесли в понимание характера антропогенеза новейшие (начиная с 1959 г.) антропологические открытия. Обнаружение и изучение многочисленных ископаемых приматов и гоминид ² позволило не только уточнить вопрос о древности и прародине человека, но, что особенно важно, определить грань между животным и древнейшим человеком. Получила новые подтверждения разработанная Ф. Энгельсом трудовая теория становления человека.

Вместе с тем все яснее становилась необходимость качественного различения не только гоминид от животных и человекообразных, но и неантропов от гоминид. Поскольку в эпоху первобытного человеческого стада наряду с социальным развитием продолжалось и биологическое

¹ В специальной литературе принято обозначать человека современного типа термином «*Homo sapiens*» («человек разумный», «мыслящий») в отличие от «*Homo erectus*» («человек прямоходящий») и «*Homo habilis*» («человек умелый»). Необходимо, однако, иметь в виду, что марксисты термином «*Homo sapiens*» подчеркивают отрыв человека от животного состояния, даже от приматов, а не рассматривают его как подкласс в ряду животных по классификации Линнея. Здесь важно вспомнить, что К. Маркс и Ф. Энгельс уже телесную организацию человека рассматривали как продукт его социального развития. Они писали: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19).

² В первую очередь имеются в виду сенсационные находки английского антрополога Л. Лики в 1959—1962 гг. так называемой олдввайской культуры (по названию Олдввайского ущелья в Танзании), которая оказалась широко распространенной в мире. В Армении, например, эта культура представлена в древнепалеолитических памятниках в Сатани-Дар и Арзни. Обнаружение в 1974 г. близ Хадара в Эфиопии скелета знаменитой Люси, а в 1975 г. в Северной Танзании других прямоходящих существ (*Homo erectus*), живших 3,5—3,6 миллиона лет тому назад, дали много нового для понимания антропогенеза.

развитие человека, ряд советских антропологов пришел к выводу о необходимости рассмотрения человеческого стада до образования первой общественно-экономической формации — первобытно-общинного строя. Дискуссии по этому вопросу способствовали разработке концепции о «двух скачках» в антропогенезе, которая имеет принципиально важное значение для определения рубежа, когда организм, биология гоминид как бы вполне очеловечились и дальнейшее развитие человека уже не требовало существенных изменений его биологической наследственной природы. Человек избавился от деспотизма животной борьбы за существование. Понимание же начавшейся новой эры безграничных возможностей, полной социальности человека и человеческих коллективов очень важно для успешной, научно аргументированной борьбы против всякого рода биологизаторства и строящегося на его основе расизма.

Согласно разработанной рядом советских ученых концепции «двух скачков» в эволюции человека, первый скачок отмечен началом изготовления примитивнейших орудий труда в период перехода предшественников гоминид к древнейшим людям. Хотя уже первобытное стадо гоминид не было чисто биологическим объединением, на этой стадии эволюции человека действовал еще естественный отбор, продолжалось совершенствование биологии гоминид, изживание зоологического индивидуализма.

Новые успехи антропогенеза должны были быть достигнуты на пути дальнейшего очеловечивания гоминид, разрешения существенного противоречия между морфологической структурой организма и его деятельностью. Для успешной совместной деятельности по добыванию пищи и защиты от врагов необходимы были отношения общественные, а потому, по мнению советского психолога П. Я. Гальперина, «изменение организма в процессе антропогенеза состояло не только в приобретении новых свойств, но и в отрицании тех животных свойств, которые мешали образованию новых, собственно человеческих отношений. Естественно, это касалось больше всего тех органов и систем тела, деятельность которых непосредственно обеспечивала поведение. Поэтому одним из важнейших результатов антропогенеза было исключение из центрального механизма поведения того звена, которое придавало поведению биологически предопределенный, инстинктивный характер. Это изменение последовательно распространялось на те сферы жизни «становящихся лю-

дей», которые развивающееся общество брало на свое обеспечение и вместе с тем под свой контроль»¹. Эти обстоятельства ясно указывают на то, что процесс антропогенеза после первого скачка продолжался и что «есть много оснований полагать, что именно мощное развитие общественных отношений (на переходе от среднего к верхнему палеолиту) обусловило так называемый «второй скачок»...»².

Второй скачок совершился на грани перехода палеантропа к человеку современного физического типа, формирование которого, по мнению ряда антропологов, завершилось с появлением Кроманьонского человека. Этот человек обладал совершенным прямохождением, тонким строением кисти и уникальным высокоорганизованным мозгом, способным обеспечить усвоение любой социальной программы. Решающими для человека стали социальная среда, социальное наследование, неограниченные возможности интеллекта в самопостроении, саморегуляции своих поступков с учетом не простой биологической, а социальной их полезности для коллектива, с интересами которого неразрывно связаны его личные интересы. В длительном процессе антропосоциогенеза *приобретение человеком своей подлинной сущности*, когда дальнейшее его развитие подчиняется законам социального наследования, конечно, с полным правом можно назвать новым, вторым скачком величайшего значения³. Ведь именно при этом

¹ Гальперин П. Я. К проблеме биологического в психическом развитии человека. — В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке, с. 258.

² Там же, с. 259.

³ Эту концепцию разделяют не все исследователи антропогенеза. Так, видный советский антрополог Я. Я. Рогинский предпочитает говорить об одном едином скачке с двумя поворотными пунктами — начальным и конечным. Признавая близость этой точки зрения к «двум скачкам», он преимущество своей трактовки видит в том, что «те новые явления, которые принес с собой «второй скачок», имеют общую основу с «первым скачком». И в начале и в конце речь идет о производственной деятельности человеческих коллективов» (Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1977, с. 181). Эти соображения сами по себе правильны. Однако в тени остается окончательное становление социальности человека. Ведь важно подчеркнуть то, о чем напоминает сам автор, «что коренная перемена в соотношении биологических и социальных закономерностей у неантропа по сравнению с его предшественниками позволяет оценить появление *Homo sapiens* как принципиально новое явление...» (там же, с. 194). Это обстоятельство недооценивается, например, известным советским археологом П. И. Борисовским, который хотя и соглашается с предлагаемой сторонниками